

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

*Посвящается 70-летию
Победы в Великой
Отечественной войне*

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2015

3. Королев А. В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопродукции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

И.Т. Кривошеин

О СИСТЕМНОМ КРИЗИСЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация: в статье рассматриваются этапы развития науки криминалистики, а также с философской позиции рассматриваются кризисные этапы развития науки и этапы становления.

Ключевые слова: криминалистика, парадигма, системный кризис мировоззренческие идеи.

21-й век знаменовал себя масштабными философско и научно-мировоззренческими изменениями, оказавших и продолжающих оказывать существенное влияние на состояние и развитие отечественной философской и научной мысли. Смена мировоззрения всегда эпохальна, уже потому, что это время оценки и переоценки, осмысления и переосмысления достигнутого философской и научной мыслью интеллектуального горизонта, научно-мировоззренческой и научно-познавательной моделей науки, понимания того, что философская и научная мысль не стоят на месте, что философия и наука это развивающиеся области знания, что они становятся содержательно другими. Как отмечается в современных исследованиях «К началу XXI в. положение во всех областях теоретического человековедения изменилось заметно, если не радикально. И прежде всего – в логике реконструкции начал собственно человеческого типа жизнедеятельности» [1. С. 18]. Существо современных философско-мировоззренческих взглядов и представлений, радикальность расстановки научно-познавательных акцентов состоит в том, что утверждавшаяся не в столь далеком прошлом зависимость сознания от материи, сегодня расценивается как не актуальная. Исследователями отмечается, что «отношение сознания и материи сегодня не выражает сущности философского мировоззрения. Современность в качестве основного, стержневого вопрос вновь ставит вопрос об отношениях человека и мира. Здесь нет категоричного и абсолютного противопоставления идеального и материального, но есть ориентация на человека как субъекта практической и познавательной деятельности» [2. С. 58]. К этому следует добавить знания, кардинально меняющие природу физической картины мира, природу знаний о человеке. Не только философия, но и современная наука также в качестве стержневого вопроса ставит перед собой задачу познания не только Вселенной сколько необходимость познания законов Мироздания, нарастающей по-

предпосылкой, определяющей перспективы роста криминалистики. В контексте изложенного, в сообществе отечественных философов, сдержанно, но неуклонно назревавшее критическое отношение к ранее навязанному интеллектуальной мысли диалектическому материализму, кардинально открывается миру философов и миру науки. В исследованиях современных отечественных философов отмечается, что в переломные времена «возникают условия для самокритики, смирения гордыни, той самой догматической гордыни, которая порождала видение в нашей собственной философской позиции «высшую ступень». ...«Шествие впереди прогресса» нанесло отечественной философии немалый урон, обеднило нашу философскую культуру» [5. С. 4]. В этих словах оценивается состояние не только философской культуры, они в равной степени соотносимы и с миром науки, с миром криминалистических знаний, неразрывно связанных с философской культурой мировоззрения, с культурой мышления, с культурой познания. Каждая наука имеет свою долю философии. Не является исключением и криминастика, мировоззрение которой за долгие годы заполнилось разнообразными, нередко разноречивыми философско-мировоззренческими положениями, принципами, она изрядно пропитана марксистско-ленинской культурой философствования своеобразно интерпретировавшей интеллектуальную связь мировоззренческих эпох и человека в мировоззренческом пространстве. Чего стоит, например, утверждавшийся в философии и науке принцип партийности и сопряженный с ним принцип большевистской критики и самокритики, или ленинская теория отражения, интерпретировавшаяся как высший этап марксистской философии, или преувеличенное понимание научно-познавательного значения ощущения, или интерпретация сущности мировоззрения ядром которого утверждались общественно-политические отношения, или трактовка смысла объективности [6. С. 7-9]. «Шествие впереди прогресса» породило в культуре познания, в культуре научно-мировоззренческого и научно-познавательного отношения интеллектуальную приспособительность, существовавшую к неписаное, но каждому приобщающемуся к науке хорошо известное правило, «что может советский ученый и чего не должен делать». Следование неписаному принципу долженствования стало главной заботой криминалистов. Неписанный принцип долженствования раздваивал мысль, ставил перед выбором следования тому, что утверждалось диалектическим материализмом и одобрялось государством либо приоритетность интеллектуального решения, идущего в разрез с принятыми установками. В результате, сколько незадействованных, неразвернутых, неосмысленных, свернутых идей оказалось навсегда утраченными, сколько нераскрытого творческого потенциала оказалось невостребованным. Это самые невосполнимые утраты [7. С. 205-230]. Русский философ Николай Александрович Бердяев рассуждая о гражданской позиции ученого, писал: «В новые времена иная кает в господствующем сознании творческое дерзновение. Думают о чем

то, пишут о чем-то, но были времена, когда думали и писали что-то, когда было то, о чем теперь вспоминают, о чем пишут исследования. Наша эпоха потому, быть может, так «научна», что наука говорит о чем-то, а не что-то. ...Мало кто уже дерзает писать так, как писали прежде, писать что-то, писать свое, ... Мы стыдливо прячемся за исторические исследования о чем-то, боимся науки, которая требует, чтобы говорили лишь о чем-то. ...Мы дерзаем обнаружить лишь свое о чем-то и не дерзаем быть чем-то. ...легче и лучше говорить и писать о чем-то, а не что-то, – меньше ответственности» [8. С. 6, 7, 8]. Английский философ и методолог Карл Поппер, анализируя марксистское понимание диалектики, делает ряд примечательных выводов, имевших принципиальное значение для дальнейшей судьбы этого учения в отечественной философии. Как отмечает Карл Поппер, «марксистское философствование и ее ядро, – диалектика, предстают во всей своей объемности как эмпирическая описательная теория. Можно сказать, что диалектика – насколько мы можем найти для нее разумное применение – является не фундаментальной, но просто описательной теорией. ...Только расплывчатая, метафоричная и двусмысленная манера говорить ...может привести к мысли, что диалектика является как теорией, описывающей определенные типичные процессы развития, так и фундаментальной теорией» [9. С. 126-127].

Немного далее им подчеркивается: «Еще одна опасность, исходящая от диалектики, связана с ее туманностью. Она предельно облегчает применение диалектической интерпретации ко всякой разновидности развития и даже к тому, что не имеет никакого отношения к диалектике. Известна, например, диалектическая интерпретация, которая отождествляет пшеничное зерно с тезисом, развившееся из него растение – с антитезисом, а все черна этого растения – с синтезом. Что такие примеры затуманивают и без того неясный смысл диалектической триады, делая ее расплывчатость просто угрожающей, – это очевидно; в какой-то момент, охарактеризовав развитие в том смысле, что рост растения есть отрицание зерна, которое перестает существовать, и что созревание многочисленных новых зерен есть «трициание отрицания – некое новое начало на более высоком уровне – значит просто играть словами. (Не по этой ли причине Энгельс сказал, что «этот пример способен понять и ребенок?»» [10. 126-127]. Отечественный философ, В.С. Швырев, оценивая диалектический материализм и подытоживая сложившиеся мнения, высказывает много более резкие оценки по сравнению с оценками Карла Поппера. В своей статье «Как нам относиться к диалектике?» В.С. Швырев отмечает, что «Пietet к диалектике входил как необходимая составляющая в «символ веры» официального диамата, однако это никоим образом не способствовало ее подлинному пониманию и правильности оценки, напротив, идеологизация отношения к диалектике и принципе препятствовала таковым. ...приводила к ее крайней примитивизации. ...Исторической справедливости ради надо заметить, что эту тра-

дицию примитивизации, пусть и в такой одиозной форме, заложил уже Энгельс в «Анти-Дюринге», формулируя свои «законы диалектики». ...Сциентистски ориентированные представители антидогматической волны, пытавшиеся связать как-то советскую философию с реальной наукой, ... весьма скептически и подозрительно относились к диалектике, усматривая в ней ...агрессивное невежество и конъюнктурное трюкачество...такому отношению способствовала и позиция самих, профессиональных диалектиков в советской философии. Нечего и говорить о всякого рода халтурщиках от диалектики» [11. С. 152]. После таких оценок к диалектическому материализму можно относиться по-разному, но официальная позиция отечественных ученых обозначена недвусмысленно. Помимо высказанных мнений неприятие диалектического материализма обусловлено и рядом других весомых факторов, их развернутый анализ еще только предстоит, здесь же в свернутом виде отметим следующее. Одной из ключевых идей диалектико-материалистического философствования стала идея разделения и противопоставления мировоззренческих и научных взглядов и представлений человека о мире на материалистические и идеалистические. Не устремленность к единению, не жажда жизнестроения, и создание конфликтообразующих предпосылок и условий в мировоззрении, в науке, в обществе задавали общую тональность. Названная идея стара как мир, испытанная временем она восходит к принципу древних римлян руководствовавшихся идеей «разделяй и властвуй». Принцип разделения и противопоставления закрепил в научном мировоззрении и в научном познании фрагментализм и спецификацию. Принцип дробления целого на части утверждался как единственно правильный методологический подход. В соответствии с данным принципом диалектический материализм безоговорочно утверждал приоритетность функции применения взамен функции объяснения. По этому поводу К.Маркс заметил, что «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [12. С. 563]. Отделение объяснения от применения, отождествление духовного с идеалистическим, с религиозным и отвержение на этом основании духовного означало лишь одно – мировоззренческую и познавательную односторонность диалектико-материалистической модели, сводившей ее эвристичность до уровня примитивизации. Упрощенчество, подкрепляемое халтурщиками от диалектики процветало. Принцип разделения и противопоставления, встроенный в криминалистику, не лучшим образом отразился на состоянии научно-мировоззренческой и научно-познавательной культуры познания в криминалистике. Разделение и противопоставление, одномерность диалектико-материалистической модели миропонимания инспирировали в криминалистике научно-мировоззренческий кризис. Напомним, что в словарном звучании кризис определяется как поворотный пункт; резкий, крутой перелом, тяжелое исходное состояние [13. С. 318]. В криминалистике кризис

ударил по самому слабому месту – по мировоззрению. Впервые это произошло после 1917 года. Именно тогда криминалистика оказалась в другом мировоззренческом пространстве. Каждая наука имеет свой исходный научно-мировоззренческий базис, свой объективно мотивированный научно-мировоззренческий взгляд, задающий избирательно обособляемую и целенаправленно познаваемую действительность. Научно-мировоззренческое отношение к действительности служит предпосылкой и условием понимания *предназначенности* науки, особенностей встроенности в общую картину мира, выполнения наукой своих *социально и научно значимых функций*, формирования *предмета* науки, определения *приоритетных научно-познавательных направлений*. Криминалистика, оказавшись в мире иных мировоззренческих ценностей, под прессом принципа долженствования постигала действительность неуклонно следуя названному принципу. Познавание действительности в соответствии с тем «как оно должно быть» по сути дела приняло характер неписаной, но для всякого входящего в науку обязательной следованию научно-мировоззренческой модели. К числу базовых идей, перенесенных криминалистами из диалектико-материалистического мировоззрения в научно-мировоззренческую модель познания действительности «так как оно должно быть» относятся:

- идея разделения и противопоставления материалистического и идеалистического сознания;
- идея интеллектуального равенства, исключавшая развитие научного творчества;
- идея интеллектуального воспрепятствования всему, что не вписывалось в диалектико-материалистическое мировидение;
- идея доминирования в познании объектной (материально-вещественной) идеологии;
- идея абсолютизация опыта и практики;
- идея абсолютизация факта и логики;
- идея доминирования и развития в науке функции применения, взамен развития функции объяснения;
- идея приоритетного познания действия взамен познания мысли (интеллектуальной деятельности).

В философии и науке, названные идеи служили незыблемыми правилами, принявшими характер устойчивой тенденции. Как свод руководящих правил, они инспирировали, в свою очередь, нарастание в научном мировоззрении криминалистики тенденции подражания, обезопасивавшей социально-политический статус исследователя (избегание инакомыслия, разработка идеологически и политически нейтральных тем, формально-ритуальные ссылки, уместное цитирование, обращение к речам политических вождей и т.п.). Принужденная интеллектуально-мировоззренческая изолированность сдерживала развитие интеллектуального пространства, развитие интеллектуальных инициатив, масштабной реализации предна-

значенности интеллекта – поиск глубинной сущности и объемное объяснение познаваемого. Интеллектуальные искания в соответствии с марксистскими взглядами сконцентрировались на развитии и реализации функции применения. Развитие криминалистики приняло односторонний характер. Современная мысль настроена на все более полный охват познаваемого, поиска выхода на вторичный, глубинный уровень познания сущности, который в отличие от первичного, материального, видимого, чувственного, носит скрытый, невидимый характер, недоступный непосредственному восприятию, познанию привычными эмпирическими методами, на все более глубокое развитие не только классических, но и неклассических научно-познавательных моделей. Как подчеркивается в современных социологических и правовых исследованиях «Наука и образование все в более многообразных формах переплетаются с экономикой, политикой, культурой, мировоззрением, правопорядком, последовательно повышают свою преобразующую роль и функциональное значение во всех сферах социального и государственного управления. Не случайно XXI век объявлен ЮНЕСКО «веком образования», что означает – классическое образование займет одно из главных мест в жизни всего общества».[14.С.5]. В контексте сказанного возникает непростой вопрос: достигла ли криминалистика зрелости классической науки или продолжает оставаться «полицейской», узковедомственной наукой, озабоченной разработыванием для следователя планов расследования адекватных практическому сознанию – «как действовать?», адекватна ли она современным мировоззренческим и научно-познавательным идеям и тенденциям, качественно преобразующих образ современной науки? Обращение к истории знания всегда духоподъемно. Как заметил немецкий философ и экономист Карл Каутский, в науках о духе (Философия, история, право, политическая экономия) прошлое исследуется не для того, чтобы «высказать ему *осуждение*, а для того чтобы понять его; не для того, чтобы показать его *бессмысленность*, а для того чтобы понять его *разумность*».[15.С.68]. В истории криминалистики примечательно имя Ганса Гросса, создавшего науку криминалистику. Именно его труды вывели расследование преступлений из области искусного ремесла и поставили на научную основу, заложили основательную научно-мировоззренческую модель криминалистики. В трудах Г.Гросса нет понятий «мировоззрение», «научное мировоззрение». Однако это совсем не означает отсутствия в работе научно-мировоззренческих идей. Комплекс идей обнаруживается лишь в контексте, как и сама научно-мировоззренческая модель познания действительности, сконструированная по правилу «так как оно есть». Для криминалистов поиск связи с действительностью, с самой жизнью (Г.Гросс, А. Вейнгарт, С.Н. Трегубов) был многократно приоритетней нежели следование политико-идеологическим установкам. Поиск связи криминалистики с реальностью приводил мысли к необходимости сочетания общественного и научного мировоззрений, к

утверждению в криминалистике двух мировоззренческих начал – разумного и рассудочного. Придание данным началам общезначимого научно-познавательного характера по существу означало утверждение в научном познании объективно-мировоззренческого принципа. В целях успешного расследования преступлений данный принцип открывал возможность привлечения знаний с различным статусом и содержанием – от естественных, технических и гуманитарных, до здравого смысла, задействования научного и обыденно-житейского опыта, познания полноты жизни человека (преступника). Эти обстоятельства придавали криминалистике привлекательный характер, как среди научных кругов, так и в практическом правосудии. Поиск разумного в истории криминалистики означает, что научно-мировоззренческая модель познания действительности «так как оно есть» обладала высокой жизнеспособностью и наукообразным потенциалом. Возвращение к данной модели не означает возврат в прошлое, его смысл в другом – в поиске, в бережном сохранении и пресумпции разумного, первый шаг по преодолению системного научно-мировоззренческого кризиса в криминалистике, шаг, открывающий перспективу вхождения криминалистики в парадигму «человек – мир», создающий условия перехода от принципа разделения и противопоставления к принципу единения, целостности и уникальности криминалистики. Разумеется, что изложенным не исчерпывается анализ системного кризиса криминалистики, его предпосылки, условия и следствия более сложны, их последовательное освещение еще предстоит.

Литература

1. Абрамова Н.Т. Самосознание и культура / Н.Т. Абрамова, А.А. Воронин, Ф.Т. Михайлов; Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2009. 210с.
2. Философия как учение о человеке / под ред. проф. Ю.В. Петрова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. 208 с.
3. Чернуха В.В. Мы и миры Мироздания: Новая физическая картина мира. М.: Ленанд, 2013. 400 с.
4. Там же.
5. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 416 с.
6. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 256 с.
7. Кривошеин И.Т. Методологические проблемы криминалистической методики (Этап становления). Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 368 с.
8. Бердяев Н.А. Философия свободы / Николай Бердяев. М.: АСТ, 2005. 333 с.
9. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. 118–183 с.
10. Там же.

11. Швырев В.С. Как нам относиться к диалектике? // Вопросы философии. 1995. № 10. 152–158 с.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Гос. Изд-во полит. лит. 1956. 615 с.
13. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус.яз., 1993. 740 с.
14. Русская философия и социология права. Изд. 2-е. Ростов н/Д.: Феникс; Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005. 400с.
15. Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории (опыт исследования). М.: Едиториал УРСС, 2003. 136 с.

Е.П. Кудревич

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делам о превышении должностных полномочий в сфере лесного хозяйства. Данные обстоятельства конкретизированы применительно к особенностям расследованию преступлений совершаемых должностными лицами в сфере лесного хозяйства.

Ключевые слова: расследование, превышение, обстоятельства, должностные лица, сфера лесного хозяйства.

Расследование уголовного дела начинается со сбора информации о конкретном преступлении. Следователь оценивает её с учетом знаний, исходя из криминалистической характеристики данного вида (группы) преступлений. Определяет предмет и направление расследования. На этом этапе неоценимую помощь ему окажет установленный уголовным законом перечень обстоятельств подлежащих доказыванию.

Основа в уголовно-процессуальной деятельности является доказывание. Однако в уголовном судопроизводстве доказывание имеет ряд существенных особенностей. Автор присоединился к позиции тех ученых, которые считают, что доказывание – это сбор доказательств, оперировании ими в целях воспроизведения события конкретного преступления является единственным средством достижения целей уголовного судопроизводства. А именно, закрепленное в ст. 6 УПК РФ, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Как совершенно правильно замечает Ф.Н. Фаткуллин, доказательство, это сведения о фактах, полученные из предусмотренных законом и источников [1].